

JAMES RICKARDS

THE ROAD TO RUIN

**THE GLOBAL ELITES' SECRET PLAN
FOR THE NEXT FINANCIAL
CRISIS**

ДЖЕЙМС РИКАРДС

ПУТЬ К РУИНАМ

**КАК НЕ ПОТЕРЯТЬ СВОИ ДЕНЬГИ
В СЛЕДУЮЩИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
КРИЗИС**

БОМБОРА™

Москва 2019

УДК 336.7
ББК 65.26
P50

James Rickards
The Road to Ruin:
The Global Elites' Secret Plan for the Next Financial Crisis

Под научной редакцией
Невзорова Максима Вадимовича

P50 **Рикардс, Джеймс.**

Путь к руинам: как не потерять свои деньги в следующий экономический кризис / Джеймс Рикардс ; [пер. с англ. Н. Инглиш]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Top Business Awards).

ISBN 978-5-699-98860-0

Хотите обезопасить себя от финансовых рисков?

Спланируйте бюджет, опираясь на данные эксперта по рынкам капитала Джеймса Рикардса. Экономист раскрывает тайны мировых элит: J.P. Morgan, Citibank, Goldman Sachs. Этих гигантов, что уже привели госдолг США к обрыву над пропастью. Если вы хотите планировать риски вперед, используйте передовую технику Рикардса, который связал воедино главные финансовые инструменты современности: поведенческую теорию в экономике (ее автор Ричард Талер в 2017 году получил Нобелевскую премию), история экономики, финансовые активы фондовых бирж.

УДК 336.7
ББК 65.26

Copyright © 2016 by James Rickards
All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition published by arrangement with Portfolio, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC

© Н. Инглиш, перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-699-98860-0

*Памяти Джона Х. Макина — экономиста,
наставника и друга.
Сейчас мы нуждаемся в нем больше,
чем когда-либо.*

И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей.

И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еля же и вина не повреждай.

Откровение св. Иоанна Богослова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	10
ГЛАВА 1. Это конец	28
ГЛАВА 2. Одна валюта, один мир, один порядок.	78
ГЛАВА 3. Пустынный город разума	125
ГЛАВА 4. Форшок: 1998	157
ГЛАВА 5. Форшок: 2008	204
ГЛАВА 6. Землетрясение: 2018	225
ГЛАВА 7. Костер элит.	259
ГЛАВА 8. Капитализм, фашизм и демократия	291
ГЛАВА 9. А вот и черный конь	334
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	363
БЛАГОДАРНОСТИ	375
УКАЗАТЕЛЬ	377

ВВЕДЕНИЕ

Феликс Зомари, пожалуй, был величайшим экономистом двадцатого века. И безусловно, он находится в числе наименее известных из них.

Зомари родился в 1881 году в немецкоговорящей части существовавшей в то время Австро-Венгерской империи. Он изучал законодательство и экономику в Венском университете. Там будущий экономист учился вместе с Йозефом Шумпетером, а его научным руководителем в подготовке к получению докторской степени был Карл Менгер — отец австрийской экономики.

Во время Первой мировой войны Зомари был главой Центрального банка оккупированной Бельгии, но большую часть своей карьеры он посвятил возглавлению частных банков на территории Австро-Венгерской империи, обслуживая обеспеченных клиентов и состоятельные организации. Зомари вернулся в Цюрих в 1930-е годы, где жил и работал до самой смерти в 1956 году. Большую часть Второй мировой войны Зомари провел в Вашингтоне, где служил дипломатическим посланником Швейцарии по финансовым вопросам и был финансовым советником Военного ведомства.

Зомари был широко известен в качестве величайшего в мире валютного эксперта. К нему нередко обращались центральные банки, которым был необходим совет в области финансовой политики. К несчастью для этих банков, основная часть ценных советов Зомари была проигнорирована в силу политических причин.

Зомари умел предвидеть финансовые катастрофы даже в тех ситуациях, когда другие специалисты не видели никаких поводов для пессимизма. Именно за эту сверхъестественную способность он и получил прозвище Цюрихский Ворон. В греческой мифологии вороны ассоциируются с Аполлоном, богом пророчеств. В Книге

Царств Ветхого Завета вороны, по велению Господа, служили пророку Или. Зомари был, пожалуй, величайшим пророком в сфере экономики начиная с античных времен. Англоязычный перевод мемуаров Зомари получил одноименное название — «Цюрихский Ворон».

Зомари не только раньше всех остальных сумел предвидеть Первую и Вторую мировые войны и Великую депрессию — он с точностью предсказал дефляционные и инфляционные последствия этих катаклизмов. На его годы пришлось кончина классического Золотого стандарта, валютный хаос межвоенного периода и введение Бреттон-Вудской системы. Зомари скончался в 1956 году, прежде чем завершилась Бреттон-Вудская эра.

Точность, с которой Зомари предсказывал экстремальные события, была основана на аналитических методах, аналогичных тем, что применяются и в данной книге. Он не использовал принятую сегодня терминологию. Понятия теории сложности и поведенческой экономики в те времена, когда Зомари анализировал рыночные системы, существовали лишь в далеком будущем. Тем не менее методы Зомари ясно изложены в его трудах.

Ярким примером подхода Зомари служит глава из его мемуаров под названием «Санджакская железная дорога», где описывается эпизод, произошедший в 1908 году, когда Зомари предпринимал попытки к получению коммерческого займа. Кредитные средства были необходимы для постройки железной дороги, ведущей из Боснии в греческий портовый город Салоники. Само по себе строительство железнодорожного пути было незначительным проектом. Зомари был привлечен к нему спонсорами из Вены, и в его обязанности входили расчеты экономической целесообразности строительства.

Предполагаемый путь должен был пересекать османскую провинцию под названием Новопазарский Санджак. Для того чтобы получить разрешение на строительство этого пути, австрийские власти обязаны были направить запрос в Порту.

Последующие за этим события стали настоящим шоком для Вены. Министерства иностранных дел от Москвы до Парижа яростно выражали свое негативное отношение к строительству. По этому поводу Зомари пишет следующее: «Русско-французский альянс среагировал на Австро-Венгерский запрос о железнодорожных концессиях бурей

протеста, не имеющей аналогов по интенсивности. В качестве политического контрудара ими был выдвинут запрос на строительство железной дороги протяженностью от Дуная до Адриатического побережья».

Этот железнодорожный инцидент случился накануне Балканских войн 1912–1913 гг., за шесть лет до начала Первой мировой войны. Тогда же, основываясь исключительно на русско-французской реакции, Зомари с точностью предсказал неизбежность международного военного конфликта. В своих выводах он основывался на том, что отдельно взятый и незначительный инцидент может усилить геополитическую напряженность до точки кипения, ведущей к возникновению более серьезных поводов для разногласий, которые, в свою очередь, неизбежно повлекут за собой начало военных действий.

Это заключение является идеальным примером байесовской статистики в действии. Зомари фактически начал развитие гипотезы о вероятности начала мировой войны, которая при отсутствии четких данных составляла пятьдесят на пятьдесят. Новые инциденты, вроде Санджакского, по мере возникновения попадали в числитель и знаменатель математической формулы теоремы Байеса, свидетельствуя в пользу увеличения вероятности начала военных действий. Аналитики современных служб разведки называют подобные события «признаками и предупредительными сигналами». В определенный момент сила гипотезы начинает указывать на неизбежность вооруженных конфликтов. Теорема Байеса позволяет использующему ее аналитику прийти к этому выводу раньше других.

Эпизод с Санджакской железной дорогой напоминает события сегодняшних дней, разворачивающиеся на фоне соперничества за газовый трубопровод, идущий из Каспийского моря в Европу. Некоторые из ситуаций в точности повторяют старый сюжет об османских санджаках. Основные игроки — Турция, Россия и Германия — остались неизменными. Где же наш новый Зомари? Кто станет современным «вороном»?

Зомари также использовал историко-культурный метод, который предпочитал и Йозеф Шумпетер. В 1913 году к Зомари обратились представители семи величайших держав того времени с просьбой реорганизовать китайскую монетарную систему. Он отклонил предложение, предчувствуя приближающийся финансовый кризис в Европе,

обещавший стать куда более актуальной проблемой. Еще за десятилетие до начала серьезной дефляции, сжимавшей мир в своих тисках с 1924 по 1939 год, он писал:

«Европейцам казался забавным тот факт, что китайцы отвергают бумажные деньги в пользу металлической валюты, которую взвешивают на весах. Они считали Китай отстающим от Европы на пять поколений. В реальности же они были на целую эпоху впереди. Под властью монгольских императоров Китай уже пережил настоящий расцвет, когда для финансирования военных завоеваний и масштабных общественных работ выпускались миллиарды в бумажных купюрах. А затем наступила горечь дефляции со всеми тяжкими последствиями. Ее отголоски были слышны еще не одно столетие».

Помимо прочего, Зомари мастерски владел поведенческой психологией, что видно на примере того, как он анализирует инцидент, случившийся в июле 1914 года, когда король Великобритании и Ирландии Георг V заверил своего кузена, доводившегося родным братом кайзеру, о том, что война между Англией и Германией была абсолютно невозможна:

«Вне всякого сомнения, король говорил со своим кузеном, руководствуясь самыми наилучшими побуждениями, но я сомневаюсь, что король был действительно хорошо осведомлен о реальном положении дел. В течение шести лет до этого случая я видел, что и куда более сильные правители могут оказаться крайне несведущими. Информация, которой располагают инсайдеры, особенно самые привилегированные из них, слишком часто не соответствует действительности. Я в большей степени полагался на выводы в статьях, публикуемых в «The Times», чем на мнение короля. Действуя от имени друзей, доверивших мне полномочия по управлению банковскими активами, я перевел вклады и ценные бумаги в золото и инвестировал в Швейцарию и Норвегию. А несколько дней спустя началась война».

Сегодня ошибочные взгляды короля могли бы быть описаны психологами-бихевиористами как «когнитивный диссонанс» или «склонность к подтверждению своей точки зрения». Зомари не оперировал этими терминами, но тем не менее он понимал, что элиты живут в своем маленьком замкнутом мире по соседству с мирами других элит. Зачастую они последними узнают о неизбежности грядущего кризиса.

Мемуары Зомари были опубликованы в 1960 году в Германии. Англоязычный перевод появился лишь в 1986 году. Оба издания давно уже не переиздавались. В доступной продаже в специализированных книжных магазинах можно найти лишь несколько экземпляров этих изданий.

Через год после выхода английского издания, а именно 19 октября 1987 года, промышленный индекс Доу-Джонса всего лишь за день упал более чем на 20 процентов, возвещая о начале новой эпохи финансовой сложности и рыночной нестабильности. Если бы Зомари довелось прожить более долгую жизнь, он сумел бы предвидеть падение промышленного индекса в 1987 году наряду со многими другими событиями.

Используя методы Зомари — этиологию, психологию, теорию сложности и историю, — эта книга продолжит описание потока финансовой недалновидности ровно с того места, на котором остановился Цюрихский Ворон.

Является ли экономика наукой? Да, и здесь начинаются проблемы. Экономика — это наука, однако большинство экономистов не являются учеными. Экономисты ведут себя как политики, священники или пропагандисты. Они игнорируют очевидные факты, если те не вписываются в их парадигмы. Экономисты стремятся получить научный престиж, но при этом они не желают быть по-научному точными. Причины слабого экономического роста, с которым мы столкнулись на сегодняшний день, как раз и объясняются подобным подходом.

Наука задействует знания и методы. Правильно подобранный метод служит способом получения знаний. Он вырабатывается путем индукции, в основном по наитию, либо методом дедукции — выводов, основанных на имеющихся данных. Как индуктивный, так и дедуктивный подход используется для формирования гипотезы — выверенной догадки. Гипотеза проверяется путем экспериментов и наблюдений, которые служат инструментами для сбора информации. Если полученные данные подтверждают гипотезу, то она получает более широкое признание. В случае если полученные данные опровергают гипотезу, она признается несостоятельной и заменяется другими, новыми гипотезами. Когда в результате обширных тестирований и экспериментов

гипотеза оказывается жизнеспособной, она становится теорией — условной формой истины.

Научный подход следует применять также и в отношении экономики. Распространенное мнение о различиях между точными науками, такими как физика, и гуманитарными, такими как экономика, является неверным. На сегодняшний день классификация научных дисциплин существует в качестве удобного способа изучения механизмов, имеющих отношение к различным сферам окружающего мира. Астрономия является наиболее удобным путем изучения устройства галактик. Биология — самая подходящая дисциплина для понимания природы раковых клеток. Экономика же представляет собой великолепный инструмент, при помощи которого можно увидеть принципы работы механизмов распределения ресурсов и материальных благ. Астрономия, биология и экономика представляют собой научные дисциплины, применимые в определенных областях знаний. Все они являются науками, и каждая из них поддается изучению научными методами.

Тем не менее большинство академических экономистов являются не учеными, а догматиками. Они цепляются за старые научные трактовки, они закрыты для новых идей, они сбрасывают со счетов любые данные, идущие вразрез с их догмами. Этот устаревший пейзаж можно было бы назвать сугубо академическим, если бы не тот факт, что экономисты занимают влиятельные позиции в центральных банках и финансовых министерствах. Их приверженность к устаревшим теориям не является чисто научной — она наносит вред благополучию наций.

Проблему следует рассмотреть прежде, чем начнется новый финансовый кризис, ведь на карту поставлено слишком многое. В течение последних семи лет, начиная с момента прошедшего кризиса и заканчивая сегодняшним днем, экономика Соединенных Штатов росла, пусть и медленно. С точки зрения истории это достаточно продолжительный период непрерывного роста. Исходя из временных отрезков между недавними кризисами, начиная с кризиса 2008 года, можно грубо судить об определенном темпе возникновения финансовых паник 1987, 1994, 1998 и 2008 годов. Семилетний период между кризисами не является строго обязательным интервалом. Даты экономического спада происходят не в фиксированные промежутки времени. Тем не